

Ирина
Волчок

ВСЕ

ЛЮДИ-

ХОРОШИЕ

Все люди – разные

Ирина Волчок

Все люди – хорошие

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волчок И.

Все люди – хорошие / И. Волчок — «Издательство АСТ»,
2012 — (Все люди – разные)

ISBN 978-5-17-119502-1

Наташка за свою коротенькую жизнь пережила так много горя, так много несправедливости, видела так много людской злобы, вытерпела так много обид... Но не озлобилась и не стала никого винить. Просто поверила, что это она во всем виновата. Ведь если бы не была виновата, за что ее было бы так сильно обижать? А потом ей встретились люди, которые отнеслись к ней, как к равной. Они приняли участие в ее судьбе – и изменили всю ее жизнь. А потом ей встретилась любовь, о которой она и не мечтала. А потом она поняла то, что знают все, кто счастлив: все люди – хорошие!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119502-1

© Волчок И., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ирина Волчок

Все люди – хорошие

Глава 1

Наташка проснулась как от выстрела. Так, как будто она сидела в засаде и нечаянно заснула. А теперь раздался выстрел и – беда, все пропало. Она затаилась, стараясь выровнять сбившееся дыхание, но глаза не открыла. Сон, из которого ее выдернул этот приснившийся выстрел, был неприятный. Что там было, в этом сне, она не помнила. Помнила только, что сон был очень яркий, очень реальный, как будто это не во сне все было, а наяву. А что именно было – не помнила. Ну и хорошо. В жизни столько неприятностей, так еще и плохие сны помнить...

Она никак не могла сообразить, где она и почему все какое-то неправильное, не такое, как всегда. Вот в детстве она просыпалась совсем не так. До восьми – да, примерно до восьми лет – Наташка просыпалась от привычных, радостных запахов парного молока и свежего хлеба. Хлеб мать каждое утро понемногу пекла. Даже огонь в печке пах радостно. Хотя когда она однажды сказала об этом матери, та рассмеялась и ответила, что Наташка дурочка, что огонь ничем не пахнет, а дымом у них и вовсе пахнуть не может, потому что печка новая и тянет хорошо. Но Наташка говорила: я же чувствую! Мать сердилась: вот никто не чувствует, а Наташка одна чувствует, хватит уже глупости выдумывать. И Наташка замолкала – мамку лучше не злить.

А после восьми лет она просыпалась от окрика: «Вставай, ладоха, нечего валяться!» Что это за зверь такой, «ладоха», Наташка не знала, но валяться и вправду было некогда. Воды в дом наноси, кур покорми, посуду помой...

Впрочем, Золушкой она себя особо не ощущала – они вдвоем с мамкой хозяйство волокут, и огород, и яблоневый сад, и птицу... Мамка одна не справилась бы, а помогать ей больше некому было. Если не она, Наташка, то кто?

А в последнее время она почти всегда просыпалась вот так, как от выстрела. И сны всегда были плохие. Но просыпалась в знакомом месте! А сейчас место было незнакомое. Кровать была жесткая, подушка просто смешная, таких надо штук пять, чтобы нормальная получилась, ну, может, три, а одеяло было тоненьким, почти невесомым, и Наташка сильно замерзла. Она все-таки решила открыть один глаз. Абсолютно безопасно. Этому фокусу Наташка научилась еще в детстве. Даже если бы кто-то специально наблюдал за ней, ждал бы, когда она проснется, – все равно ничего бы не заметил: ресницы у нее были некрасивые, светлые, но очень длинные и очень пушистые. За такой завесой никак не углядеть серую радужку глаза.

Она осторожно приоткрыла один глаз и попыталась понять, где она находится. Потолок оказался высоко, гораздо выше, чем она привыкла. И вместо трехрожковой люстры – один плафон треснутый, другой не горит – на потолке были лампы дневного света, сейчас выключенные. Кроватей в помещении было много, сразу и не сосчитаешь, и Наташка поняла: это больница. Ужас вышиб все мысли из головы. Больница! Наташка в панике принялась ощупывать лицо, но повязок не было, только семилетней давности шрам на подбородке. Нашупав его, она немного успокоилась, сообразила, что гипса тоже нет, а главное – не болят при каждом вдохе ребра. Значит, это не та больница...

Конечно, не та, что это на нее нашло? Ей двадцать два, почти двадцать три года, все давным-давно зажило, на ней все как на собаке заживает, как мать говорит... Тогда что она тут делает и как сюда попала? Наташка, почти успокоившись, стала прислушиваться к своим ощущениям. Итак, что же у нее болит? Ведь если больница, что-то должно болеть. Слегка ныл живот, высоко, почти под ребрами, слева. Интересно, а что там? Желудок, какая-нибудь селезенка? Печень вроде бы справа. Справа или слева находится аппендицит, она не знала,

но думала, что он гораздо ниже, по крайней мере, у матери рубец от аппендицита был совсем внизу живота. Почему же все-таки она в больнице, ведь Маратик и в этот раз бил ее, как обычно, по лицу?

В палате без всякого предупреждения вспыхнул свет. Появилась толстая девушка в белом халате и громко сообщила, что пора просыпаться, градусники ставить. Женщины на койках завздыхали, закрывали, заворочались. Кто-то громко сказал какой-то Свете, что орать не обязательно, а уж свет включать – тем более. Света – это медсестра с градусниками, догадалась Наташка. Градусник, который ей дали, засовывать под мышку было страшно: и так замерзла, а тут еще холодное, мокрое.

Температуры у нее не было. Кто-то из соседок занудно критиковал медсестру Светку, которая, зараза бессовестная, зажжет весь свет, и мучайся потом, спать охота, а свет горит, и заснуть теперь никакой возможности, совсем нет у человека совести. Наташке нудный голос надоел, она встала и выключила свет. Палата затихла, но в сладкий утренний сон никому вернуться не удалось: через минуту дверь распахнулась, и свет вспыхнул снова. Зачем – Наташка не поняла, медсестра собирала термометры, не глядя на показания, и складывала их в одну коробку, при этом громко повторяя: «На уколы, просыпаемся, на уколы». Наташка не знала, назначили ей уколы или нет, а когда попыталась спросить, ничего не вышло. Вроде нормально говорила, только голоса не оказалось, получился какой-то свистящий шепот, и медсестра ее не услышала. Или сделала вид, что не слышит. Не хватало еще, чтоб ругались, – подумала Наташка и начала одеваться. Сходит до процедурного кабинета, не развалится. Там медсестра и скажет, нужны ей уколы или нет.

Определить, где находится этот самый процедурный кабинет, не составило труда: возле двери с соответствующей надписью змеилась очередь человек в тридцать. Тетки в расстегнутых халатах, накинутых прямо на ночнушки, нечесанные, с закрытыми глазами, такие же заспанные полуодетые мужики, а один молодой парень – в одних трусах. Парень с закрытыми глазами подпирает стену – похоже, спал стоя. Такой расхлябанности Наташка не понимала. Встал с утра – оденься, причешись, умойся, тогда и выходи. Так ее мамка в детстве учила. И зубы с утра нужно чистить. Она бы и зубы, конечно, почистила, только нечем было – ни пасты, ни щетки.

Очередь похожих на зомби больных двигалась довольно быстро. Наташка вошла в кабинет и поздоровалась. Получилось тихо, хрипло, во рту было сухо и горько, горло першило. Наверное, поэтому медсестра ей не ответила, вместо «доброго утра» спросила грозно: фамилия? Наташка ответила. Девушка принялась быстро листать затрепанный журнал.

– Нету тут тебя, Антонова, иди, очередь только задерживаешь! – раздраженно сказала медсестра Светка и, не дожидаясь, пока эта самая Антонова выйдет, громко крикнула: – Следующий!

Наташка понимала, почему толстая Светка разговаривает с ней так грубо, если быть точнее, вообще не разговаривает. В зеркало ей посмотреться не удалось, не было в палате зеркала, но представить, как она выглядит, Наташка могла, не впервой. Маратик вчера вечером разошелся. Надо полагать, нижняя губа у нее опять как у негрityнки, огромная и синяя. Ныла скула, а значит, синяк под глазом тоже есть, если не под обоими. Хорошо хоть кожа у нее такая... с функцией регенерации. Это еще тогда, в первый раз, кто-то из врачей так сказал. Если бы сразу лед приложила, тогда, может, и вообще ничего не осталось. Ну, почти ничего. Но так почти никогда не получалось. Не до льда как-то было.

Каждый раз после Маратиковых упражнений с ее лицом, которое он с пьяных глаз принимал за боксерскую грушу, она задавала себе вопрос: почему, ну почему он это делает? Она ведь изо всех сил старается, на двух работах успевает, убирает, стирает, готовит... Даже книжку купила по кулинарии, потому что Маратик любит покушать, а вчерашнюю еду, наоборот, не любит. Да и не отказывала она ему никогда, хотя смысла физических отношений мужчины и женщины не понимала. То есть теоретически она знала, что эти самые физические отношения

должны приносить какое-то там обоюдное удовольствие. По крайней мере, бабы на работе – на обеих работах – это регулярно обсуждали. Но поскольку удовольствия никакого она никогда не испытывала, то давно решила: кто урод, как она, снаружи, тот урод и внутри. По крайней мере, семь лет назад ей так доктор сказал. Вот так-то. И черт с ним, с удовольствием, лишь бы Маратик был доволен, не нервничал лишний раз. Не нервничает – значит, не будет бить. Но он почти всегда нервничал.

Наташка пошла на лестничную площадку запасного выхода из отделения. Ей хотелось побыть одной. В идеале – дня три-четыре. Пока синяки не станут менее заметными. Но сейчас – хотя бы десять минут, хотя бы пять, дать улечься обиде, не зареветь при всех этих посторонних людях. На площадке стоял старый, лет десять назад выкрашенный белой краской, расшатанный стул, на подоконнике – банка из-под кофе, заполненная окурками, а на стуле сидела женщина в очках и жадно курила. Женщина была похожа на памятник. Монументальная, крупная, несмотря на то, что сидит, – видно, что очень высокая, лицо и руки такие, как будто скульптор их еще не до конца обработал. Да, такую Маратик стукнуть не решился бы. Такая обратно зарядит так, что мало не покажется, со смутной завистью подумала Наташка. Она машинально буркнула про доброе утро и расстроилась – присутствие этой живой статуи было совсем некстати. Статуя не ответила, но Наташкой явно заинтересовалась. Порассматривала ее минуту, а потом спросила:

– Кто это тебя так? Заявление в милицию хоть написала?

Наташка молчала, опустив голову. Статуя не унималась:

– Меня Ираида зовут. А тебя?

Наташка представилась, отказалась от предложенной сигареты и уставилась в окно. За окном хлюпала оттепель, и из-за этого весь мир казался грязным. Или не из-за оттепели, а потому, что морда у нее разбита, опять разбита, и жизнь тоже вдребезги. Вчерашний вечер пробежал перед глазами ускоренным темпом, как будто монтажер решил сократить неудачную киноленту до формата скупой хроники. В третьем раунде матча «Маратик – груша» побеждает Маратик – и нокдауном, и нокаутом. Наташка не помнила, сколько раз она падала и как быстро после этого вставала.

Потом собственно событие: убирайся из моего дома, шалава. Почему хоть шалава, подумала тогда Наташка. Вроде пришла с работы, вроде все как всегда, ужин сочинила в ожидании хозяина. Раньше он ее никогда не выгонял, даже когда бил смертным боем. Но вчера пришлось бежать, не разбирая дороги, куда ноги несут. Ноги принесли ее в единственное место в этом городе, в котором она несколько раз бывала. Кроме дома – Маратикова дома. Ну, и работы, вернее, работ. К продавщице, к Лизке. Лизка была веселая пьяница, и уборщиц, в отличие от коллег, совсем не презирала, ей было все равно, с кем общаться, проще говоря – все равно с кем пить. Наташка спиртного не пила. Почти. Ну, пробовала шампанское на Новый год или на день рождения. Маратик иногда бывал в хорошем настроении и приказывал купить этого самого шампанского. Шампанское Наташке не нравилось – кисло, пузырьки щиплют язык, в носу противно и чихать хочется, – но в ее сознании оно было связано с хорошим настроением Маратика, поэтому она старательно пила и делала вид, что очень благодарна, чтобы настроение Маратика вдруг не испортилось. А уж крепкого, настоящего, как говорила Лизка, спиртного не пробовала вообще никогда. Мамкина закваска – та по поводу и без повода воспитывала: смотри, девка, папаша твой спился и помер, хоть каплю в рот возьмешь – прокляну. С проклятием получилась отдельная история, но табу на алкоголь Наташка и не думала нарушать. А тут Лизка увидела ее, всю такую красивую, и сразу налила почти полный стакан. Наливала из полуторалитровой баклажки с надписью «Вода газированная. Клубничная». Пить действительно очень хотелось, ведь к Лизке она бегом бежала, и Наташка залпом выпила протянутый ей стакан. Выпила – и не удержалась на ногах, хлопнулась на стул, хорошо, что прямо сзади стоял, а то опять оказалась бы на полу. Как дышать, она забыла. Как сквозь вату донесся Лиз-

кин смех и восхищенный голос: «Ну ты здорова, а еще овечкой прикидывалась... Это ж чистый спирт!» Во рту было сухо, в желудке обжигаете горячо, а в голове пусто. Сама того не зная, Наташка повторила про себя хрестоматийное: я подумаю об этом завтра. Еще через минуту все слилось, перепуталось, а может быть, она еще выпила. Воды газированной клубничной. Лизка – баба не жадная, скорее всего, налила. Как и почему Лизка вызвала «скорую», Наташка не помнила. Или Лизка не вызвала «скорую»? Тогда почему она сейчас в больнице?

Объяснять все это совершенно посторонней статую, то есть Ираиде, Наташке совсем не хотелось, но та ждала, склонив голову к плечу и не отрывая от собеседницы внимательного взгляда. Видно, привыкла своего добиваться. Пришлось рассказывать, сильно упростив ход событий. Получалось так: муж из дома выгнал, убежала к подружке, а там случайно выпила, чего – сама не знает. Вообще-то и не муж, и не из дома, и не к подружке, но все это ерунда. Как теперь выяснить, на что он обиделся, и как обратно проситься – вот в чем вопрос.

В этом месте Ираида расхохоталась. Не весело, а как будто с обидой. Но сказать ничего не успела: в неплотно прикрытую дверь просунулась хитрая старушечья физиономия:

– Идка, иди, обход прокуришь опять!

– Пойдем, – сказала Ираида Наташке – Сегодня понедельник, обход с заведованием и всей его придворной камарильей. Ты ведь свой диагноз не знаешь? И я не знала, пока Сергей Иванович с обходом не пришел. От нашего лечащего хрен чего добьешься. А этот хоть УЗИ назначит.

Что такое «камарилья», Наташка не знала, а вот эскулап – слово знакомое, это доктор.

В палату они успели, генеральский обход еще не появлялся. Наташка обратила внимание на странную деталь: многие из ее соседок даже в ожидании врачей не дали себе труда встать и умыться, а двое и вовсе спали себе без задних ног и, кажется, не собирались просыпаться. Понятно, что больные люди, наверное, им трудно шевелиться... Но хотя бы умыться-то утром можно! К тому же – среди людей находятся, не в одиночестве.

– Где тут наш бомж? – громко спросил осанистый, «видный», как сказала бы мамка, дядечка со стопкой бумаг в руках.

Наташка и не поняла сразу, что он имеет в виду. А когда поняла, просто заледенела от обиды и почти не слышала, что докладывает видному другой, маленький и лысый. Лысый сыпал незнакомыми словами, осанистый морщился, на Наташку смотрел брезгливо, потом поднял руку и веско сказал:

– Будешь так пить – плохо кончишь. Панкреатит, цирроз печени... Ты вроде молодая, думай, – и добавил, отвернувшись: – УЗИ брюшной полости. Если изменений нет – завтра домой. Чего ее тут держать-то, без полиса... Не ешь и не пей ничего, поняла? А то обследование нельзя делать будет, поняла?

Наташка, еле сдерживая слезы, кивнула. Бомж, это надо же... Никакой она не бомж, просто прописана до сих пор не в городе, а в Малой Ивани, у матери. Кто ее в городе пропишет, кому она нужна? А это повторенное дважды «поняла?»!

Плакать в палате она не стала. Опять ушла на лестничную площадку запасного выхода. Вслед за ней отправилась, как оказалось, ее новая знакомая, Ираида.

– Вот сволочи, из-за паршивого полиса удавятся, – зло сказала она и опять закурила.

– Почему? – всхлипнула Наташка.

– Да я сама толком не поняла. Вроде бы если страховки медицинской нет, то расходы на содержание и лечение оплачивает больница. Тут парень один так и выписался. Ему сказали: платить по семьсот рублей в день, а то больничные не дадут. Он без оформления работает, больничные все равно не оплатят, но чтобы хозяин не подумал, что он прогуливает, бумажка из больницы нужна. А тебя почему бомжом обозвали? Тоже без соцпакета трудишься?

Наташка смутно представляла себе этот самый соцпакет, но работала она и в супермаркете, и у Маратика в ларьке без отпусков. А отпуск – это же вроде и есть соцпакет? В мага-

зине у нее хоть выходной был, воскресенье. Правда, в понедельник, после ее выходного, грязи приходилось вывозить столько, что воду в ведре она меняла не шесть раз, как обычно, а все пятнадцать. В Маратиковой палатке выходных не было вообще. Так что каждое воскресенье она трижды бегала туда мыть полы. С утра, в обед и перед закрытием, как в обычные рабочие дни. Маратик очень уважал чистоту, утверждал, что если пол вымыт, то без покупки человек не уйдет. Палатка была овощная, и о настоящей чистоте приходилось только мечтать. Хоть пять раз все вымой, а разок пересыпать картошку из мешка в коробку на витрине – и опять грязь, как и не мыла.

А теперь все, отработалась. Директор супермаркета ей еще месяц назад сказала, что если она снова отпросится, то – до свидания, безработных как собак нерезаных, плакать не будем, другую уборщицу найдем. Что же касается ларька, то понятно – если из дома выгнал, то и с работы попрет, если хозяин один и тот же, чего тут непонятного-то? Можно даже и не соваться.

Короче, как ни крути, жизнь не удалась. Ни дома, ни средств к существованию. В смысле ни денег, ни одежды, ни документов, ни работы. Из-за чего же все-таки Маратик взбесился? Если бы она знала, то прощения попросила бы или еще как-нибудь...

– Что молчишь? Или ты безработная? – спросила Ираида.

– Наверное, да. Теперь... – ответила Наташка.

– Что значит: наверное, да? Ты объясни толком, тебя муж из дома выгнал или с работы уволили?

– Это одно и то же. Я у него работаю. Работала. Да и не муж он никакой. Просто вместе жили. Ну, как муж и жена... – непонятно зачем уточнила Наташка.

Дальше Ираида устроила ей настоящий допрос. Иногда их прерывали: на площадку высыпала большая веселая компания медсестер. По самым скромным прикидкам, медперсонала в отделении трудилось неоправданно много, человек двадцать. Куда их столько? На каждого больного по индивидуальной сиделке, что ли? Наташкино недоумение развеяла Ираида: сюда все операционные сестры курить ходят. Можно представить, каково приходится дядьке, который в коридоре напротив двери в импровизированную курилку лежит. Да уж, подумала Наташка, в коридоре лечиться – и так удовольствие сомнительное, а постоянные сквозняки и отравы эта папиросная, то есть сигаретная... Как он тут лечится? Больше травится, чем лечится. А медсестры даже не думают об этом. А еще медики.

Как только стайка накрашенных сестер покидала курилку, Ираида тут же продолжала допрос: какое у Наташки образование? Девять классов? Учиться не любит или за плохое поведение из школы выгнали?

На самом деле – ни то, ни другое. Успевала Наташка по всем предметам лучше всех, на одни пятерки, обладала врожденной грамотностью, то есть правило могла и не вспомнить вовремя, но инстинктивно писала так, как надо. А уж алгебру знала – вернее, понимала – лучше всех в школе. Пожалуй, и лучше самой математички. На вопрос Ираиды, почему не доучилась, Наташка сказала, что деньги зарабатывать нужно было. Сразу было понятно, что врет, но уличать Ираиду не стала, просто решила незаметно знания проверить. Опять же было непонятно: если уж в город приехала, почему учиться не поступила? В училище и стипендия, и общежитие. С дипломом-то в любом случае трудоустроиться проще, да и зарплата лучше, чего в уборщицы-то подалась? И опять Наташка ей толком ничего не объяснила, если не считать объяснением маловразумительное «так получилось». Темнит что-то девчонка с синяками, темнит. С другой стороны – только-только рыдать перестала, не надо сейчас ей раны беречь, уточнить и после можно. В спокойной обстановке.

Ираида расспрашивала Наташку не просто так. Она была человеком дела, в институте, где она преподавала, про нее говорили: «пацан сказал – пацан сделал». Вот и сейчас она сказала себе, что девочке нужно как-то помочь. Но так, чтобы это не обернулось подсовыванием рыбы, когда надо подарить удочку и научить ловить. Идея у нее в принципе была. Но предложить

Наташке этот вариант Ираида могла, только будучи уверена, что та не воровка, не алкоголичка, не скандалистка, не банальная шлюшка, наконец. Впрочем, что до последнего – это сильно вряд ли, уж очень неказистая девчонка.

На завтрак обе не пошли: Наташке есть доктор не разрешил («а то исследование не получится, поняла?»), а Ираида заявила, что в ее детстве была такая игра – «съедобное-несъедобное». Это когда кидаешь кому-нибудь мячик и кричишь, например: таракан! Если слово обозначало что-то съедобное, то мячик надо было поймать. А если нет – наоборот, оттолкнуть. Так вот, больничное меню – это точно «несъедобное». К тому же ей, Ираиде, надо худеть. Наташка подумала, что Ираида вовсе не потому на завтрак не пошла, а просто за компанию с ней, Наташкой. Она даже чуть не поблагодарила за это Ираиду, но передумала. Как-то неловко это было, все-таки они просто случайные знакомые, а не закадычные подружки. Вряд ли Ираида отказалась бы от завтрака только ради того, чтобы незнакомого человека так поддерживать. Наверное, действительно худеть надо. Но Наташке все равно было приятно, что Ираида осталась с ней.

Они продолжали болтать, хотя говорила в основном Ираида. Она то и дело вворачивала в разговор разные словечки из совершенно противоположных областей знаний, то какие-то научные термины, то уголовный жаргон. Некоторые слова Наташка не понимала, пару раз спросила, что они означают, но Ираида не ответила, просто с довольным видом покивала головой и сказала: «Понятно».

Час абсолютно пустого, на первый взгляд, трепа – и Ираида могла с уверенностью сказать: ее собеседница в тюрьме точно не сидела, зато вот «Гамлета» читала. Может, и не в подлиннике, но печальные обстоятельства жизни принца датского ей известны. И русская классика ей известна, и даже в гораздо большем объеме, чем требует школьная программа. Несмотря на весьма приличный для недоучившейся деревенской девочки интеллектуальный уровень, Наташка просто удивляла полным отсутствием жизненного опыта, житейской мудрости. Ну ведь дураку понятно: если мужчина ударил женщину хоть раз, один-единственный, – этот опыт он обязательно повторит. Причем чем дальше – тем менее значимый повод ему для этого понадобится. Просто плохое настроение – чем не повод? Ираида попробовала осторожно внушить эту истину Наташке. Наташка Ираидиных намеков искренне не понимала и все думала, как бы вернуться к своему Маратику, чтобы все было как раньше, как у людей: муж, дом, работа...

Наташка пришла с УЗИ почти испуганная – из того, что сказал врач, она совсем ничего не поняла. Неизвестно – то ли плохо все, то ли на выписку завтра готовиться. А если выпишут, то куда ей идти? Возвращаться к матери, в деревню? Невозможно. Мать семь лет назад сказала, что проклянет, – и прокляла. Ни на одно письмо не ответила, ни одной весточки не прислала. Что мать жива-здорова, Наташке по случаю сообщила бывшая соседка, случайно на улице встретились. И добавила, что мать сильно злится, такой уж характер. Уж кому, как не Наташке, знать мамкин характер. Мамка у нее железная женщина.

Идти к Маратику? Второй такой корриды можно и не пережить. В прямом смысле. Что же делать? Ничего Наташка не умеет – ни на компьютере, ни машину водить, ни английский язык... Да хоть бы и умела, кому она нужна, без прописки, без жилья, без образования?

Вечером Ираиде было не до размышлений о Наташкином будущем, в котором она предполагала принять участие, – пришел сын. Во-первых, ни за что не скажешь, что сын: самой Ираиде на вид лет тридцать, а парень выглядел двадцатилетним. Но сразу видно, что родная кровь. Более того – копия. Те черты, которые в женской версии казались тяжеловесными, грубоватыми, в мужской выглядели просто идеалом красоты. Античная скульптура, музейный экспонат. Ираида была очень крупная, полноватая. Егор же казался могучим зверем, пребывающим в состоянии обманчивого покоя. Наташка как-то по телевизору видела передачу про Африку. Там показывали льва, царя зверей. Огромная мускулистая туша валялась по траве, как самый обычный котенок, с удовольствием валялась, лениво перекатывалась с боку на бок,

лениво болтала в воздухе всеми четырьмя лапами, снова замирала... Но надо быть слепым, чтобы не понимать: в случае опасности или появления конкурента, например, туша неминуемо взорвется движением, бросок будет внезапным и неизбежно достигнет цели... Сын Ираиды живо напомнил Наташке того вальяжного льва.

Разговаривали в палате они недолго, ушли в любимую Ираидину курилку. Одна из трех молодых девчонок, Наташкиных соседок, томно потянулась и сказала, что таких парней она в жизни не видела. Только на картинках про Голливуд, да и то любой Бред Пит – и тот нервно курит в углу. От зависти. В дебаты на тему «на кого из звезд похож сын Ираиды» с неожиданным жаром включилась вся палата. Даже дамы, которым по возрасту приличествует думать о собственных внуках, а не о совершенно посторонних Аполлонах. Наташка молчала. Она тоже никогда не видела таких людей, даже не предполагала, что они в природе существуют. Привычные мысли о собственном несовершенстве в этот момент ее не тревожили. С таким же успехом можно было бы восхищаться бриллиантовым колье за миллион долларов на шее какой-нибудь суперзвезды. Великолепно, потрясающе, сногшибательно. Только она-то тут при чем?

Ираида вернулась задумчивая, Егор не вернулся вовсе, ушел домой. Обсуждение достоинств ее сына не прервалось ни на минуту. Косвенная виновница переполоха на это обсуждение внимания не обращала. Только буркнула: не родись красивой, а родись счастливой. Минут через десять многочисленные истории из жизни на тему красоты вообще и влияния вышеозначенной красоты на судьбу в частности ей, видимо, надоели. Наташка была приглашена прогуляться по отделению для конфиденциальной беседы. Первый вопрос ее почти напугал.

– У тебя деньги есть?

– Да, рублей триста, я вчера днем тысячу брала, за продуктами ходила. Сдача, – стараясь не глядеть на Ираиду, сказала она.

– Это хорошо. Значица так, как говорил незабвенный Глеб Жеглов. Завтра нас с тобой выписывают. Я тебе дам адрес. Это за городом, не бойся, не далеко. Мои друзья недавно достроили дом. До этого в квартире жили, и Люська, хозяйка, все сама успевала. И по хозяйству, и готовить, и с парнем заниматься. А в доме не успевает – два этажа плюс подвал и зимний сад на чердаке. Она уже этот дом чуть не матом кроет, тяжело в одни руки. Ей помощница по хозяйству нужна. У тебя, конечно, ни специальных навыков, ни рекомендаций, однако, я думаю, полы помыть и картошку почистить – это ты сумеешь. Я ей позвоню, про тебя предупредю. Жить там же будешь, зарплату тебе, какую-никакую, платить будут. На первое время сойдет, а там посмотрим, что с тобой делать. С детьми нормально общаешься?

– Не знаю, не приходилось как-то... А сколько лет детям? – спросила Наташка.

– Детям... Не бойся, Мери Поппинс, там одно дитя. Андрюшка во втором классе учится. Да я не думаю, что у тебя с ним до общения дело дойдет. Завтраком покормишь, проверишь, чтоб шапку надел. Люська до педагогического процесса никого не допускает. Только вот... Дело какое... Ты, в общем, не обижайся, но если начерединишь там чего – спрос с меня будет. Так что не подведи.

Утром, до обхода, Наташка занялась инвентаризацией. Подсчитывать оказалось нечего. То есть совсем. Нижнее белье в одном экземпляре, старенькие джинсы, которые она носила уже несколько лет, серая куртка с капюшоном – зимой и летом одним цветом, немодный свитерок-лапша из секонд-хенда и утепленные кроссовки. Денег – триста пятьдесят четыре рубля восемьдесят копеек. Телефон, черно-белая «Нокия», раздолбанная десятком предыдущих владельцев до полного неупотребства, остался дома. В смысле – у Маратика. Она просто не успела его схватить, когда убегала. Адрес-то Ираида ей дала, но если ей действительно менять место жительства и работу, то надо зайти домой – то есть к Маратику, – и попытаться выручить свои вещи. Хотя бы одежду.

Глава 2

Вчерашняя оттепель подразнила-подразнила да и закончилась. Весной на улице уже не пахло. В принципе рано, начало февраля. Но так хочется... Отчаянно оскальзываясь, Наташка выбралась за ворота больницы и задумалась. Как ни крути, надо искать Маратика. Наиболее вероятное местонахождение ее, теперь уже бывшего, гражданского мужа и работодателя – базар, Центральный рынок. Там, в маленьком прокуренном кафе, хозяева торговых точек и проводили время за бесконечными партиями в нарды. Всю эту компанию пестрой назвать было трудно: горбоносые, черноволосые мужчины, все как один – выходцы из одной северокавказской страны, говорили на быстром гортанном наречии, обильно приправляя его интернациональным матом, носили исключительно русские имена, не имеющие ничего общего с записями в их паспортах. С незнакомыми вели себя преувеличенно цивилизованно, но Наташка знала, что ей придется простоять рядом с их столиком, всегда одним и тем же, минут двадцать, не меньше, прежде чем кто-то из них обратит на нее внимание. Давным-давно она по глупости сунулась что-то спросить у членов этого мужского клуба, заговорила первая. Никто из них не отреагировал. Никто, кроме Маратика, к которому, собственно, она и обращалась. Тот и отреагировал – встал и вlepил Наташке звонкую пощечину. Не больно. Зато дома... Эх, да что там вспоминать.

Сейчас она стояла молча, хотя Маратика за столом не наблюдалось. Ждала – может, скажут, где его искать. И действительно, десяти минут не прошло, смилостивились:

– Чего стоишь? Домой иди, дома он, – сказал Саша, которого на самом деле звали как-то по-другому, сложно.

Это было хуже всего. Если бы он был где-нибудь в другом месте, где-нибудь на людях, – возможно, проблему удалось бы урегулировать миром, без ущерба для здоровья. Она пошла как на каторгу, еле переставляя ноги. На полпути ее вдруг охватило странное, неизвестное ранее чувство. В голове стучало, без конца повторяясь: нет – так нет, нет – так нет. Она остановилась, впервые в жизни смутно жалея, что не курит, даже не пробовала никогда. Вот бы сейчас закурить и спокойно подумать. Кажется, она злится. Причем злится, кажется, на себя. Чего она трусит? Раньше было чего бояться, раньше она боялась потерять дом, мужа, работу, семью. Все в одном флаконе. А теперь-то чего? Будет ли у нее новая жизнь в чужом доме, среди чужих людей, и какой она, эта самая жизнь, будет, если все получится, – это не важно. Все, что было до сегодняшнего дня, и хорошее, и плохое, закончилось. Если бы Наташке сказали, что ничего по-настоящему хорошего у нее до сих пор не было, – она бы не поверила. Теперь у нее будет другая жизнь. Он не оставил ей выбора. И нечего бояться, подумаешь, пришла труссы свои забрать. Уж на это она как-нибудь заработала. Худо-бедно.

Знакомая дверь показалась Наташке какой-то особенно обшарпанной. Интересно, почему она раньше этого не замечала? Наверное, потому, что дом есть дом, а какой – это не обсуждается.

Она позвонила раз, другой. За дверью обнаружилось неторопливое движение. Наташка бессознательным жестом сунула руки в карманы куртки. Дверь открылась, на пороге стоял Маратик. Невысокий, ростом едва ли выше нее, взлохмаченный, в наспех накинутом на голое тело любимом бордовом халате, он смотрел на нее с удивлением. Не ожидал. Еще бы, проучил прошлый раз от всей щедрой кавказской души. Наташка стояла на пороге решительная, такой ее Маратик никогда не видел. Оба молчали. Наконец он очнулся:

– Зачем пришла? Я тебе русским языком сказал!

Маратик справедливо гордился своим русским языком – из всей своей базарной тусовки он один говорил без акцента. Ну, почти.

– За своими вещами, – неожиданно твердо ответила Наташка.

– Здесь твоего ничего нет! – разгневанно взвизгнул он.

Она не успела ничего сказать, из глубины квартиры донесся женский голос:

– Котик, кто там?

Он нашел себе другую, оказывается. А она-то голову ломала, за что это он на нее насыпался. Искала, в чем виновата, перебирала день по минутам... Вот дурочка. Просто другая женщина. На секунду Наташке стало интересно: а какая она, эта другая? Красивая или как она, Наташка? Молодая или еще моложе? Маратик как-то обмолвился, что у них предпочитают совсем молодых, лет шестнадцати. Да не все ли равно, опомнилась она. За одеждой своей пришла, вот об этом и думать надо.

– Это твоя бывшая, да? За барахлом своим приперлась, да? Пусть забирает и уматывает отсюда, да, котик? А то выбрасывай тут за ней мусор всякий, да?

Девушка, девчонка еще совсем, была маленькая, белобрысенькая, голубоглазенькая. Зато бюст у нее был совсем не детский. По всем параметрам Наташкины шмотки ей бы не подошли. Ну и хорошо, подумала Наташка, а то еще и не отдали бы. В квартиру ее никто не пустил. Белобрысенькая справилась за пять минут, выставила за порог два пакета с логотипом супермаркета, в котором Наташка работала уборщицей.

– Страшная какая! Прямо Баба-Яга! Бедный котик, как ты с ней жил? – донеслось из-за закрывшейся двери.

Дальше Наташка слушать не стала, подхватила пакеты и понеслась вниз по лестнице. Только внизу ощутила, что саднят ладони. Поставила ношу на снег и поднесла руки к лицу – ее короткие ногти оставили на коже красные полумесяцы. Это она руки в карманы засунула, чтобы показать, что не боится, вспомнила Наташка. И провела бывшего благоверного, он тоже решил, что она не боится. И не ударил. Может, конечно, новой сожительницы постеснялся.

Надо было торопиться на автовокзал. Деревня, или, вернее, дальний пригород, где обитали ее потенциальные работодатели, назывался Гать. Транспорт ходил туда через каждые двадцать минут, только автобус стоил двадцать пять рублей, а маршрутка аж сорок. Наташка решила подождать автобуса.

Интересно, что Ираида сказала ее нанимательнице? Наташка поежилась – можно представить, какое впечатление она произвела, одни синяки чего стоят. И какие у нее будут обязанности? Вроде бы ничего умного – стирка, уборка, может, и зимний сад. Ираида сказала, что хозяйка цветами занимается. Хорошо бы ей растения доверили, возиться с огородом она с детства любила, в городе даже скучала по своим грядкам. А вот стирка с уборкой – страшно. В рекламе по телевизору видела: каких только машин не напридумывали для этого нехитрого дела. Всю жизнь Наташка стирала руками, и ничего, белее белого получалось. Опять же – крахмалить надо, не надо? Сама она крахмального белья не любила – жестко. Машина-то хоть и умная, небось крахмалить не умеет.

А пылесосы! Одних функций – три дня запоминать надо. Это же чистый кошмар! Наташка вдруг поняла, что «чистый кошмар» применительно к пылесосам звучит забавно, и тихо, почти про себя, рассмеялась. Ничего, разберется. А не сможет – так все руками делать будет. Веник, щетка, мокрая тряпка – их-то никто не отменял. Сейчас, в ожидании автобуса, она почти совсем успокоилась: уж больно основательной казалась ее соседка по палате. Если обещала, что возьмут, – значит, возьмут.

За городом весной не то что не пахло, а вообще казалось, что зима – это единственное состояние природы. Четыре часа дня, еще чуть-чуть – и сумерки, заснеженные поля сливались с белесым небом так, что и горизонта не различить. Наташка подумала: а вдруг не найдет в этой самой Гати дом номер тридцать семь, заблудится, несмотря на подробные инструкции? Правда, Ираида сказала, что он один там такой, с крестьянской халупой не спутаешь, а остальные новые дома за трехметровыми глухими заборами. А Люська не захотела как в тюрьме

жить, за забором только участок, а дом на улицу смотрит, через красивые ворота из железных прутьев. Легко найти.

И действительно, нашла сразу. Дом Наташке понравился, без башенок, без колоннады, обычный дом красного кирпича, двухэтажный, высокая крутая крыша под зеленой черепицей, прямо в черепице – окна. Получается, три этажа, а не два. Хорошо бы весной между домом и воротами палисадник разбить, цветов высадить видимо-невидимо, чтобы до поздней осени красота была.

К воротам прилагалась калитка, но звонка Наташка не нашла. Смеркалось уже совершенно недвусмысленно, если она не попадет в дом, то ночевать ей в этой Гати, причем – неизвестно где и как. Она запаниковала, тихо постучала по прутьям, не надеясь, что кто-нибудь ее услышит. Свет на высоком крыльце вспыхнул в ту же секунду. На пороге стояла стройная женщина в светлых брюках и свитере. От ступенек до калитки вела узкая тропинка, а по бокам высились полутораметровые сугробы. Женщина шла быстро и, еще не доходя до ворот, начала говорить:

– Здравствуйте, вы, наверное, Наташа, Идкина знакомая? Как вы добрались, замерзли, наверное?

Женщина подошла близко – и сразу стало понятно, что внутренне она вся замерла. Синяки разглядела, догадалась Наташка. Хоть бы сразу не прогнала, подумаешь, синяки, может, она упала просто...

– Проходите, пожалуйста, – сказала женщина.

Пока они шли по рукотворному снежному ущелью, хозяйка молчала. Так же молча вошли в дом. Дом начинался не с коридора, как привыкла Наташка, а с довольно большого и почти пустого помещения. На полу – светлый пушистый ковер, а стены голые, ни ковра, ни картин, ни фотографий. Не обжились еще, подумала Наташка, Ираида говорила, что недавно переехали. Возле огромного зеркала стоял карликовый диванчик, а по всему периметру – кадки с большими разлапистыми цветами. И даже не кадки, а керамические вазы, двухведерные, а то и больше. Красиво.

– Пойдемте... На кухню, что ли... – сказала хозяйка.

Наташка сбросила ботинки, слава богу, носки не дырявые, пооглядывалась, куда бы положить куртку, не нашла – и пристроила на пол, в уголок между стеной и диванчиком. Дверей было четыре, но открытой была только одна, та, в которую ушла женщина. Наташка пошла следом.

Кухня поражала воображение. Здесь без труда разместился бы десяток поваров, да и всякие приборы – такие, как по телевизору показывают, блестящие, невиданной формы, – тоже наличествовали. Впрочем, здесь же располагалась и столовая: овальный стол и шесть стульев с высокими спинками. На двух широченных подоконниках – опять цветы. Все это Наташка разглядела только потому, что хозяйка продолжала молчать.

– Присаживайтесь. Может, расскажете немного о себе? – Хозяйка наконец нарушила затянувшуюся паузу.

Вот этого Наташка не ожидала. Ираида должна была рассказать, она же сказала, что обо всем договорилась.

– Да, я же не представилась. Меня зовут Людмила.

Людмила. Интересное дело: что ж – ее просто так, по имени звать? Наташка растерялась совсем. Хозяйка ждала, надо было что-то говорить. В двух словах, решила Наташка, без подробностей. Родилась в деревне, образование не закончила, в городе работала уборщицей, с Ираидой познакомилась в больнице. Все. Немного помолчав, зачем-то добавила – не замужем. Людмила смотрела на свои руки, изящные, без маникюра, но с парой колечек, и молчала. Не возьмет, ни за что не возьмет, отчетливо поняла Наташка. И куда ей теперь? Ладно, Гать эта километрах в восьми от города, дойдет, не барыня. А в городе-то что? Пойти удавиться? И

то некуда, не на улице же. Отчаяние, тщательно скрываемое даже от себя самой, захлестнуло ее с головой:

– Возьмите меня... Христом Богом прошу – вы не пожалее! Я все-все делать буду, никакой работы не боюсь, честное слово! Мне некуда идти, только в петлю...

Наташка бросилась перед женщиной на колени и в ту же секунду поняла, что сделала нечто немислимое, невозможное, отвратительное. Что так нельзя ни при каких обстоятельствах. Людмила, кажется, тоже это поняла. Она быстро опустилась на колени рядом с Наташкой, обняла ее за плечи и торопливо заговорила:

– Ну что ты, что ты... Вставай! Конечно, будешь делать, я тебе все покажу, все объясню, вставай, – и уже спокойней добавила: – Никогда так больше не поступай. В этом нет никакой необходимости, ты очень хорошая, я сразу поняла. Успокойся, давай лучше чаю попьем, а потом я тебе комнату твою покажу.

Больше всего на свете Людмиле хотелось сказать: не плачь. Но Наташка и не плакала, только вздрагивала всем телом, как от сильной боли.

Как они пили чай, Наташка почти не запомнила. Старалась, чтобы руки не тряслись, а то скатерть зальет. Людмила рассказывала про сына: мальчик во втором классе, а уже и в музыкальной школе учится, и в художественной, три дня в неделю там, три – там. По вечерам его дома практически не бывает, часов в восемь муж или его сестра из города привозят. Андрюшка ребенок очень одаренный и во всех школах одни пятерки получает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.